Агрессия: влечение к смерти или дисбаланс либидо?

Машовец Мария Дмитриевна

- Супервизор ЕАРПП
- Преподаватель ВЕИП с 2000 по 2020 гг

С хорошей регулярностью в беседах с коллегами и в собственных размышлениях возникает сакраментальный вопрос: может ли успешная терапия пройти без выражения агрессии? Ответ, как мне кажется, равно интересен и теоретически, и в практическом приложении. Во втором случае он, кстати, определит терапевтическую стратегию, аутентичную аналитику: трансформация, «исправление ошибок» развития или «доращивание», восполнение дефицитарности.

Давайте взглянем на представления об агрессивности, существующие на сегодня в аналитической теории, и постараемся понять, чем отличаются взгляды разных аналитических школ.

Складывается впечатление, что агрессивность вызывала и вызывает в психоанализе не меньшее сопротивление, чем пресловутая сексуальность.

МакВильямс, рассуждая о разнообразии психических защит, отмечает, что сексуальные темы в социуме просто табуированы, агрессивность же признается и порицается. Отсюда и способ «обработки» — сексуальные импульсы чаще всего вытесняются, а агрессивные должны быть «перехвачены» как-то иначе (в каком-то смысле «осуждены и запрещены»).

Хорошо совпадающее с этой идеей наблюдение можно обнаружить и в работах, описывающих поведение людей в кризисных (чрезвычайных) ситуациях. Из трех биологически детерминированных реакций на витальную опасность («бей — беги — замри») в большинстве случаев человеческая психика «выбирает» замирание. Реже — побег. Спонтанную реакцию «бей» могут выдавать очень немногие (специфические) люди, остальным для этого требуется длительная специальная подготовка (добавим: ломающая их психику). И, поскольку в критической ситуации в связи с выделением адреналина биологически более оправданы реакции активности — «бей» или «беги», — то можно предположить, что у социально адаптированных людей существуют глубинные бессознательные запреты на прямое выражение агрессии.

Можно предположить, что у социально адаптированных людей существуют глубинные бессознательные запреты на прямое выражение агрессии.

Интересно, что «запрет» на обсуждение и развитие темы агрессивности в теории психоанализа наложил, видимо, сам Фрейд. По утверждению Спотница, современные представления об агрессии были сформулированы уже на заседаниях «Психологических сред», которые проходили в квартире Фрейда еще до образования Венского психоаналитического сообщества (в 1908 году).

Так, Альфред Адлер несколько раз заявлял о существовании агрессивного влечения; предполагал, что отказ от любви к объекту является способом защиты объекта от ненависти; и обращал внимание на тенденцию агрессивного импульса обращаться против субъекта. Кроме того, он отмечал, что ребенок становится агрессивным, когда у него фрустрированы способы получения удовольствия. Спотниц считает, что если бы Адлер смог обобщить свои взгляды на агрессию, то им была бы создана концепция шизофрении, близкая к современной (три основных фактора, формирующие шизофреническое ядро: агрессия, защита объекта и принесение в жертву собственной самости, т.е. поворот агрессивного импульса на себя).

Фрейд придерживался мнения, что понятие, которое Адлер называет «агрессивным влечением», отражает наше либидо, но все идеи Адлера в дальнейшем доработал, принял и включил в свою новую пересмотренную теорию либидо. Не устаешь изумляться гениальности Фрейда и его способности воспринять и интегрировать все важные идеи, в то время как сами авторы идей, хоть и имели интересные мысли, неспособны были оформить их в мощную единую концепцию.

К тому же Фрейда до такой степени интересовала теория либидо и пугала идея смерти (как мы помним, он даже в работе «По ту сторону принципа удовольствия» свел страх смерти к страху кастрации), что весь классический психоанализ изучает первое и избегает второго (а заодно и агрессии).

В целом, в классическом психоанализе существовали три взгляда на природу агрессивности:

- Агрессивное поведение исходно изучалось только в связи с сексуальным: на разных стадиях психосексуального развития ребенок, реализуя сексуальный импульс, не принимает во внимание других людей и может причинять им неудобства и даже боль. В этой версии агрессия — просто побочная компонента сексуального импульса.
- Агрессивное поведение считалось адаптацией к реальности: агрессия понималась как реакция на внутреннюю или внешнюю фрустрацию, а следовательно, проистекала из Я (эго-организации).
- Вторая теория влечений придала агрессии равный статус с либидо, т.е. провозгласила, что все наши побуждения сгруппированы вокруг двух сил: силы жизни, имеющей целью размножение, рост, развитие и деструктивной силы (смерти), преследующей цель разъединения, разрушения, уничтожения.

В дальнейшем теоретические осмысления и практические наблюдения развивались вокруг двух последних посылов — то есть решался вопрос, является ли агрессивность врожденной особенностью психики и связана с влечением к смерти (то есть исходит из оно) или есть всего лишь реакция на фрустрацию (то есть продуцируется Я).

В первом приближении резонно было бы предположить, что сторонников «фрустрационной» теории следует искать среди эго-психологов, а приверженцы второй теории влечений, скорее, мыслят в терминах теории объектных отношений.

Однако при прочтении трудов классиков психоанализа можно обнаружить, что это не так. Более того, наиболее уважаемые представители разных направлений (М.Клайн, Д.Винникотт и Х.Хартманн) приходят одновременно к одним и тем же выводам, ныне известным нам как теория Мелани Клайн — теория, не подвергающая сомнению идею влечения к смерти и наличие агрессивных импульсов в оно уже с рождения.

В то же время, нельзя не обратить внимания еще на одну тенденцию. Те исследователи, которые больше ориентированы на развитие аналитических техник (то есть на получение практических, «лечебных» результатов) предпочитают считать, что агрессивность есть продукт функционирования эго («фрустрационная» теория). Такая позиция не удивительна для практика, поскольку, все то, что мы можем наблюдать в клинической работе, неизбежно прошло обработку инстанцией эго. А вот авторы, уделяющие большее внимание «исследовательской» задаче психоанализа, склонны ориентироваться на вторую теорию влечений. Лишь немногие аналитики способны удерживать замечательный фрейдовский баланс, провозглашенный им в «Проблеме дилетантского анализа»: «С самого начала в психоанализе существовала связь между лечением и исследованием … Наш аналитический метод является единственным, где такое ценное совпадение остается постоянным».

Какие же убедительные доводы мы обнаруживаем в пользу обеих версий, описывающих природу агрессивности?

В знаменитой монографии Х.Хартманн пытается изучить агрессивность, следуя фрейдовской логике исследования сексуальных влечений. То есть обнаружить соответствующие компоненты влечения: источник, цель, объект и силу. Он вполне логично предполагает, что источником агрессивного влечения является мускулатура, то есть наше тело, как и в случае сексуальных влечений. А вот цель и объект агрессии представляются иначе, чем в теории М.Клайн. Как мы помним, у Клайн функция внешнего источника неудовольствия («плохой груди») состоит в том, чтобы на нем разряжалась энергия саморазрушения (влечения к смерти). Но хорошо известно, что у человека (в отличие от других животных) агрессия выходит за пределы непосредственного самосохранения, то есть, видимо, существует дополнительное удовольствие от причинения боли и страданий другим. Значит, разрядку агрессии и разрушение объектов можно рассматривать

Является ли агрессивность врожденной особенностью психики и связана с влечением к смерти (то есть исходит из оно) или есть всего лишь реакция на фрустрацию (то есть продуцируется Я).

С самого начала в психоанализе существовала связь между лечением и исследованием ... Наш аналитический метод является единственным, где такое ценное совпадение остается постоянным».

не просто как способ выведения наружу влечения к смерти, а в качестве источника самостоятельного удовольствия. Здесь мы можем обратить внимание на то, что точно так же и сексуальный акт у человека выходит за пределы простого продолжения рода.

Получается, что агрессивность обладает всеми признаками влечения, даже подчиняется принципу удовольствия и может быть «противопоставлена» сексуальности.

В отличии от Хартманна, М.Балинт обнаруживает неравный статус любви и ненависти (агрессии): «Ненависть и здоровье могут сосуществовать лишь недолго, тогда как любовь у здорового человека устойчива, постоянна, и даже серьезные фрустрации едва ли ее изменяют. Агрессия здорового человека — временное явление, возникающее лишь тогда, когда существует действительно серьезная объективная внешняя угроза». Балинт не видит наличия «удовольствия» при разрядке ненависти и считает агрессию реакцией на фрустрацию.

Можно заметить, что оба автора ставят под сомнение валидность второй теории влечений, а Балинт даже не уверен в наличии дуальности влечений.

Многие разногласия снимаются, если попробовать вместо одного понятия «агрессивность» ввести два — «активность» и «деструктивность» и попытаться их разграничить. Одним из первых это делает Д.Винникотт. Он выдвигает предположение о наличии уже у плода (даже не младенца!) некой «жизненной силы», состоящей из «подвижности» и «эротизма». Именно подвижность дает возможность плоду обнаружить не-Я, то есть внешний объект. И этот активный импульс приносит удовлетворение, наталкиваясь на противодействие. Агрессия будет зависеть от размера противодействия, с которым столкнулся плод. Если внешний объект обнаруживается через собственную активность — то это ведет к установлению реальности и укреплению жизненной силы (Винникотт обозначает это как «слияние активного и эротического компонентов»). Если же внешний объект оказывается вторгающимся — то это приводит к «замиранию» (необходимости спрятаться) и блокировке жизненной активности в целом.

Не столкнулись ли мы с тем самым представлением, которое так настойчиво предлагал Юнг и возмущенно отвергал Фрейд? С идеей о существовании в организме единой энергии, не связанной исключительно с сексуальными влечениями (назовем ее хоть «либидо», хоть «жизненная сила»).

Разрядку агрессии и разрушение объектов можно рассматривать не просто как способ выведения наружу влечения к смерти, а в качестве источника самостоятельного удовольствия.

В ходе дальнейшего развития, с точки зрения Винникотта, активность-агрессивность затрачивается на разрушение фантазийного объекта, созданного

путем проекций, и обнаружение реального внешнего объекта. Иными словами, это разрушение представляет собой ни что иное как отделение, сепарацию. Только после такой сепарации устанавливается здоровая связь с реальностью и обнаружение себя в реальности (аналогично клайнианской «депрессивной позиции»). Снова мы видим, как то, что именуется «активность-агрессивность» служит развитию (силам жизни). «Деструктивность» Винникотт обнаруживает там, где «жизненная сила» была неэмпатично принята объектом (матерью) и вынужденно расходуется на агрессивную борьбу с фантазийным объектом без возможности от него отделиться (застревание на «параноидно-шизоидной» позиции).

Новое направление размышлениям об агрессивности дает современный автор Корделия Шмидт-Хеллерау. Она обращает внимание на то, что во всех ранних фрейдовских работах удовлетворение ограничивалось сексуальными или относящимися к самосохранению влечениями, а агрессия воспринималась как способ достижения этой цели (разрядки). После же 1920 года (то есть после написания работы «По ту сторону прин-

Многие разногласия снимаются, если попробовать вместо одного понятия «агрессивность» ввести два — «активность» и «деструктивность» и попытаться их разграничить.

ципа удовольствия») агрессивное влечение само стало стремиться к удовлетворению.

Если вернуться к первой теории влечений (самосохранения и сексуальные) и к представлениям об агрессии, как о чем-то, что способствует достижению цели влечения, то мы придем к совпадению понятий «агрессия» и «сила влечения». К.Шмидт-Хеллерау определяет это так: агрессия — это степень интенсивности, с которой влечение стремится к своему объекту для получения удовлетворения. Причем в этой трактовке сам термин «агрессия» лишается негативного оттенка и обретает нейтральный, становясь просто синонимом активности, интенсивности, силы.

Негативный оттенок возникает тогда, когда можно наблюдать «неправильную» меру активности, когда психика «неверно оценивает» возможность получения разрядки, сопоставляя масштаб потребности и доступность объекта. «Неверная оценка» возникает там, где ослаблено тестирование реальности. В этом случае индивид неверно предвидит угрожающую или неудовлетворяющую ситуацию и неадекватно интенсифицирует активность того или иного влечения.

Итак, как ни странно, при рассмотрении взглядов на агрессию, мы встретили большое количество доводов в пользу возврата к первой теории влечений. Но как тогда быть с понятием «влечение к смерти»?

Обе дуалистические теории гласили, что психическое здоровье будет заключаться в сохранении баланса между двумя силами. В классике это понималось как баланс между объектным и нарциссическим либидо, и здоровым считался тот, кто более способен заботиться о себе (любить себя) и строить отношения с другими. Причем «переинвестиция»

Агрессия — это степень интенсивности, с которой влечение стремится к своему объекту для получения удовлетворения.

в любую сторону нарушала баланс и приводила к нездоровью. Слишком много оставляя себе, мы отключались от мира объектов (З.Фрейд обозначает это как «либидо регрессирует от объектной любви к нарциссизму или к аутоэротизму»). Чрезмерно отдавая объекту, мы утрачивали себя, проживая через объект свою жизнь (феномен описан Анной Фрейд как «защита в форме альтруизма»). В современном звучании оба эти варианта — суть нарциссическое расстройство личности: недостаточное чувство себя, наличие ложной самости. По нынешним представлениям, проживание себя через другого говорит не о «переинвестировании» объектного либидо, а о его незрелости, т.к. здоровое отношение к другому возможно только одновременно со зрелым чувством себя.

В таком случае выражением «влечение к жизни» мы можем обозначить здоровую психику, устойчиво удерживающую границы Я и сохраняющую баланс между инвестициями либидо в себя и в другого. А «влечение к смерти» проявится в виде дисбаланса между самосохранением и любовью к объекту: такая психика будет считаться «нездоровой», то есть соскальзывающей к смерти. Кстати, в терминах Шмидт-Хеллерау мы можем говорить о неверной оценке и постоянной чрезмерной интенсификации того или иного влечения.

Вернемся же к исходному вопросу — может ли терапия пройти без выражения агрессии? Если отталкиваться от представления о том, что за аналитической помощью обращается человек, нуждающийся в «восстановлении баланса» и «достижении более зрелого уровня работы психики», то можно утверждать, что установление такого баланса обязательно будет достигаться методом «проб и ошибок» психики, научающейся обнаруживать «правильное расстояние до объекта».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боулби, Д. Создание и разрушение эмоциональных связей / Пер. Проект, 2006. — 232 с.
2. Кернберг. О. Ф. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. / Пер. с англ. А.Ф. Ускова. — М.: Класс. 2001. — 364.
3. Кернберг. О.Ф. Развитие личности и травма журнал Persqnlichkeitsstqrungen, 1999, стр. 5-15)
4. Кернберг. О. Ф. Тяжелые личностные расстройства. Стратегии психотерапии. / Пер. с англ. М.И. Завалова — М.: Класс. 2000. — 459.
5. Кляйн М. Зависть и благодарность. / Пер. с англ. А. Ниязова, И.П. Плехова, О.К. Ролина, М.Л. Мельникова. — М.: Эрго. 2010. — том 6, с.320.
6. Кохут. Х. Анализ самости. / Пер.с англ. А.М. Боковикова. — 2-е изд. — М.: Когито-центр, 2017. — 368 с.
7. Кохут. Х. Восстановление самости. / Пер.с англ. А.М. Боковикова. — 2-е изд. — М.: Когито-центр, 2017. — 316 с.

8. Кристал. Г. Интеграция и самоисцеление. Аффект, травма, алекситимия. / Пер. с англ. В.В. Старовойтов. — М.: Институт общегуманитарных исследований. 2017. — 544 с.
9, Спотниц Хайман Современный психоанализ шизофренического пациента — М.: ВЕИП, 2004. — 296 с.
10, Фрейд. А. Психология Я и защитные механизмы /Пер. с англ. М.Р. Гинзбург — М.: Педагогика-Пресс, 1993. —144 с.
11. Фрейд. З. По ту сторону принципа удовольствия / Пер. с англ. Л. Голлербах, М.В. Вульф, В.Д. Поремский — М.: Пальмира, 2018. — 432 с.
12. Фенихель. О. Психоаналитическая теория неврозов. / Пер. с англ. А.Б. Хавин. — М.: Академический проект. 2023. — 789 с.
13. Фромм. Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с англ. П.С.Гуревича. — М.: АСТ, 2007. — 624
14. Шмидт-Хеллерау. К. Влечение к жизни и влечение к смерти. Либидо и лета: Сводная формально-логическая модель психоаналитической теории влечений и структурной теории. / Пер. с нем. С.С. Панкова — СПб.: Б и К, 2003. — 298 с.